

Среди книг

с Мариной Киеня-Мякинэн

[274]

ИЛ 8/2019

“Верую в сердце мое”

ГАБРИЭЛА МИСТРАЛЬ *Грустный Бог*. Стихотворения = *El Dios triste*. Obra poética [на испанском и русском языках] / Сост. Элла Брагинская; пер. с исп. О. Савича, И. Лиснянской, Е. Хованович, Н. Ванханен, Л. Кириллиной. — М.: Центр книги Рудомино, 2018. — 464 с.

Псевдоним играет очень важную, можно сказать, символическую роль в жизни человека творческого. Беря новое имя, он тем самым принимает новую сущность, делает первый шаг от обыденности и безвестности к какому-то иному, высокому предназначению. И превращается Феликс Рубен Гарсиа Сармьенто в Рубена Дарио, первого всемирно известного латиноамериканского поэта, Рикардо Нефтали Рейес Басоальто — в Пабло Неруду, великого чилийского поэта и общественного деятеля, а Лусила Годой Алькайяга, скромная девушка из бедной семьи с севера Чили — в Габриэлу Мистраль, блестящую самобытную поэтессу, лауреата Нобелевской премии по литературе. Почему юная учительница выбрала именно такой псевдоним? Это, разумеется, было ведомо только ей, а нам позволительно лишь строить предположения. За именем Габриэла чудятся крылья архангела Гавриила, принесшего Марии благую весть о рождении Спасителя. Возможно, Лусила Годой видела свое призвание в том, чтобы поведать миру о самых сокровенных челове-

ских чувствах, о природе и людях своей страны. Ну а Мистраль? В стихотворении “Мои книги” из сборника “Отчаяние” поэтесса упоминает провансальского поэта второй половины XIX века Фредерика Мистрала, писавшего на окситанском языке и старавшегося пробудить интерес к культуре своей малой родины. Вероятно, ту же миссию взяла на себя и она — взяла и успешно выполнила, став эмиссаром не только чилийской, но и латиноамериканской культуры в целом, за что и стяжала славу как прижизненную, так и посмертную. Лицо Габриэлы Мистраль смотрит на нас с денежных купюр, марок и открыток, а памятники ей (разной степени похожести) украшают многие города Чили.

Однако же памятник — это застывшая, мертвая материя, за ней не разглядишь живого человека, который радовался, плакал, ошибался, побеждал и все время менялся. Жизненный путь поэта, путь его личности можно проследить, лишь собрав воедино произведения разных лет (создав, например, антологию), ибо поэзия, в особенности лирика,

всегда в той или иной степени автобиографична. “Взяв эту книгу, ты берешь меня”, — писал Мигель де Унамуно. Вот и мы, открывая антологию произведений Габриэлы Мистраль “Трустный Бог”, открываем для себя ее жизнь и, как ни пафосно это звучит, ее душу.

Габриэла Мистраль появилась на свет на двадцать пять лет позже Лусилы Годой Алькайяги — в 1914-м, когда “Сонеты смерти”, стихи никому не известной учительницы, получили главную награду на поэтическом конкурсе “Цветочные игры” и принесли ей огромную популярность. Впоследствии они вошли в первую книгу стихов Мистраль “Отчаяние”, изданную в Нью-Йорке в 1922 году. Название сборника говорит само за себя: в нем поэтесса пишет о страданиях, о смерти и об одиночестве. Тоской объято все — земля, звезды, дождь, весь мир полон страдающих существ. Даже собственный поэтический дар воспринимается поэтессой как тяжкий крест:

Ужасный дар! От этой пытки
вспору
всю ночь кричать!
О, пощади, вонзивший стих
мне в сердце, —
позволь молчать!
Перевод О. Савича

Так и будет она идти по жизни, точно человек без кожи, болезненно реагируя на свои невзгоды и чужие страдания, наделенная эмпатией сверх всякой меры. И при этом находить силы для активной преподавательской и общественной деятельности, для поездок по родному континенту, по Европе и Соединенным Штатам. Второй

поэтический сборник Мистраль, “Нежность”, вышел в 1924 году в Мадриде. В нем минорная тональность значительно ослабевает, эмоциональный диапазон расширяется: поэтесса словно позволяет себе испытывать радость, выходит из скорлупы одиночества, ощущая единение с другими людьми:

Дай руку, идем с тобой
танцевать,
а вот и моя рука.
Мы два лепестка одного
цветка,
всего только два лепестка.
Перевод Е. Хованович

Мир становится разноцветным, душистым, в нем появляются бабочки, павлины, радуга, земляника и ананасы, и лежит на стихах отсвет (или тень?) тайного материнства:

Спи как зернышко, сыночек,
в миг посева, в дни дождей,
спи все лето в лоне почвы
и, незрячий, тихо зрей.
Перевод Л. Кириллиной

Впрочем, об этом мы говорить не будем: не следует злоупотреблять тем, что почившие знаменитости беззащитны перед праздным любопытством потомков. Перейдем лучше к третьей книге Габриэлы Мистраль.

Она получила название “Рубка леса”, по-испански “Tala”, и вышла в 1938 году опять-таки не в Чили, а на этот раз в Аргентине. Сборник открывается циклом “На смерть матери”, полным уже знакомого нам чувства безысходности, от которого поэтессу освобождает восхищение другой матерью, родиной:

Это не просто возвращение к истокам (в долине реки Эльки Габриэла Мистраль родилась), это стихотворение-прощание, подведение итогов. “Сойти в Долину” здесь означает вернуться в небытие, населенное родными умершими, и из далекого далека увидеть, что жизнь — не просто череда страданий, а чередование “радостей и невзгод”, что благословенна и горечь ее, и сладость.

“Взяв эту книгу, ты берешь меня”... Антология произведений Габриэлы Мистраль “Грустный Бог” — дань огромного уважения и глубокой любви к поэтессе. Слово “антология” в переводе с греческого означа-

ет “букет цветов”. Что ж, над этим букетом трудились искусные флористы. Составитель Элла Брагинская, редакторы Юрий Фридштейн, Римма Андрианова и Максим Тютюнников, художник-дизайнер Петр Бем, а также пять переводчиков: Овадий Савич, Инна Лиснянская, Екатерина Хованович, Наталья Ванханен и Лариса Кириллина. Их переводы, сделанные в разные годы, собраны теперь под одной обложкой, чтобы мы услышали голос человека, говорящего с нами о боли и радости, о материнстве и смерти, о памяти и забвении. Говорящего с нами о вечном.